

**ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА
В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ
(МОТИВ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ)***

Е. А. Шенцева (Новосибирск)

Цель исследования состоит в поиске и обосновании методологии, в рамках которой феномен художественной активности может получить дескрипцию, наиболее адекватную представлениям о современном обществе как сетевом. В статье дано описание сетевых эффектов художественной активности как феномена, специфицирующего сеть взаимодействий Человек – Текст; выявлены основания для новой интерпретации сетевой структуры и обозначен ее эпистемологический потенциал.

Ключевые слова: человек, текст, феномен художественной активности, сетевое общество, сеть взаимодействий, сетевая структура, сетевая теория.

**THE PHENOMENON OF ARTISTIC ACTIVITY OF THE PERSON
IN THE NETWORK SOCIETY
(THE MOTIF OF TRANSITION TO A NEW EPISTEMOLOGY)**

E. A. Shentseva (Novosibirsk)

Our research is aimed at searching for and substantiating a methodology, which will allow giving a description of the phenomenon of artistic activity, which meets the perception of the modern society as a network society in the best way. The article describes the network effects of artistic activity as a phenomenon specifying the “person – text” network of interactions. The grounds for a new interpretation of the network structure are revealed and its epistemological potential is described.

Key words: person, text, phenomenon of artistic activity, network society, interaction network, network structure, network theory.

Для современного, постнеклассического этапа развития научной мысли характерно представление о том, что рациональное (познание) не имеет безусловного приоритета перед иными формами познания, находящими выражение в том числе и в сфере искусства, и в различных видах художественных практик в целом.

М. Кастельс, сопоставляя масштабы изменений в области человеческой коммуникации в античность и настоящее время, отмечает, что алфа-

* Публикация осуществляется при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)». Проект № 2.1.3/45.41.

Шенцева Елена Анатольевна – младший научный сотрудник кафедры социальной работы и социальной антропологии факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: leashe@land.ru

вит является «решающим изобретением» античной Греции, сделал «возможными рациональные рассуждения, отделил письменное общение от аудиовизуальной системы символов и восприятий». Однако «за опору, которую получила человеческая практика в письменном дискурсе, пришлось платить», воздвигнув определенную иерархию «между письменной культурой и аудиовизуальным выражением. Мир звуков и изображений был отодвинут на задний план, в искусства, имеющие дело с личной сферой эмоций и общественным миром литургии» [1].

Представление подобного рода было не чуждо и самой античности, что блестяще показал Ф. Ницше: Сократ, неумолимый логик, воплотивший в себе неслыханную до того форму бытия, «тип теоретического человека», испытывал временами по отношению к искусству ощущение какого-то пробела, пустоты, возможно, чувства невыполненного долга [2, с. 286]. Внутренний голос, призывавший творить и трудиться на поприще Муз, Сократ понимал как служение философии, «ибо высшее из искусств – это философия» [3, с. 79]. Отсюда стремление очиститься поэтическим творчеством, выразившееся в написании гимна в честь Аполлона и Артемиды. После самокритичного вывода об отсутствии дара воображения, «взял то, что было всего доступнее, – Эзоповы басни» [3], переложив их стихами и сочинив басню «не очень складную» [4, с. 105] Возможно, факт сомнения Сократа (ничуть не завуалированный Платоном, факт, смысл которого значительно возрастает, если учесть контекст предсмертной беседы) есть проявление признания того, что существует область бытия, где логика бессильна [2, с. 412].

Заметим, что глубокое переживание Сократа (даже если мы имеем дело с утонченным художественным приемом Платона), усомнившегося в своем призвании, не осталось незамеченным ни его современниками, ни в более поздние эпохи. Так, Квинтилиан в наставлениях ораторам упоминает Сократа, в старости учившегося музыке [5, с. 294].

Употребляя термин *активность*, мы имеем в виду его дискуссионный характер; суть данного понятия подробно отражена в исследовании В. В. Агеева [6]. А мы отдаем предпочтение данному понятию не только благодаря его способности обозначать стихийность, спонтанность, что важно для художественной сферы, но в большей степени благодаря его способности обозначать и едва уловимые моменты и, поскольку речь идет о художественной активности, подлинно художественное событие.

Оставляя за скобками многообразный спектр проявлений художественной активности (в дизайне, в моде, в быту и т.д.), в данной статье внимание будет сконцентрировано на той сфере, которая с известной степенью условности может быть обозначена как *Человек – Текст*. Уточним, что под текстом будет пониматься и произведение искусства, и продукция массовой и виртуальной культуры. (Основанием для подобного видения служат представления о тексте, суть которых резюмирует В. Г. Кузнецов: «Текстом называется любая знаковая система, которая способна быть (или в действительности есть) носителем смысловой информации и имеет языковую природу. С этой точки зрения любой объект, являющийся творением человеческого духа и имеющий знаковую природу, может быть возможным или является действительным текстом» [7, с. 128]). Относитель-

но последней будем иметь в виду, что зачастую «термин “культура” применяется здесь по недоразумению» [8, с. 138].

Художественная активность находит свое выражение во многих видах человеческой деятельности, однако уточним, что за скобки исследования выносятся все, что не имеет отношения к многообразным художественным практикам [18]. Последние же будут рассматриваться нами через взаимодействие «человек – текст». Указанные процессы в современном обществе приобретают некоторые особенности в связи с тем, что происходят на фоне новой социальной реальности, связываемой современными исследователями со становлением сетевого общества. Несмотря на то, что «не все признают концептуальную состоятельность сетевого общества» [9, с. 69], нельзя не согласиться, что информационно-технологическая парадигма, собственно и породившая своеобразные черты новой реальности, «обладает, по выражению М. Кастельса, силой проникать в самую сердцевину жизни и мысли» [1]. Безусловно, сетевые эффекты меняют не все и проявляются в разных областях по-разному. Существуют некоторые социальные сферы, где эти изменения существенны и очевидны [9, с. 71]. Многие феномены социокультурной реальности получают сетевую окраску, иначе говоря, могут интерпретироваться с учетом сетевого характера современного общества. Осознавая, однако, что это весьма зыбкое основание для дальнейшего хода рассуждений (тем более что художественная активность не порождает сетевые эффекты прямо и непосредственно), мы вынуждены попытаться с возможной степенью определенности ответить на два вопроса: 1) в чем заключаются сетевые эффекты художественной активности; 2) что будет элементами сети (сетевой структуры).

На наш взгляд, сетевые эффекты интересующего нас феномена заключаются в том, что художественная активность обуславливает взаимодействие «человек – текст», структурированные сетевым способом (повторимся, не провоцируя их непосредственно).

Прежде чем обосновать эту мысль, необходимо уточнить, в чем заключаются сетевые эффекты общества (безусловно, фиксируя внимание на тех, которые могут иметь непосредственное отношение к теме исследования). Изначально фиксируется внимание на информационном характере изменений, подчеркивается, что сетевой характер общества обусловлен информационными технологиями. Не случайно у М. Кастельса понятия *информационный* («информациональный») и *сетевой* почти отождествляются. Информационный характер изменений в свою очередь сообщает возможность интерпретировать многие социальные феномены в духе коммуникативных событий, имеющих бинарный характер. Как отмечает А. В. Назарчук, обнаруживается тенденция трактовать социальные феномены с позиции «сообщения», при этом «неважно, кто является носителем сообщений, а важно, какого типа сообщения формируют систему коммуникации». Причем, какая бы структура (или социальная форма) не возникла в результате коммуникации, «она является одним из видов сетей» [9, с. 70]. Данная мысль представляет для нас существенный методологический интерес, прежде всего в части построения сетевой структуры (однако к этому вопросу мы обратимся ниже).

Не менее значимо и то, что «в основе всяких сетей лежит коммуникация индивидов», о каких бы организационных структурах, информационных системах не шла речь, «на выходе стоит индивид» [9]. На языке социологии речь идет об акторах, действующих, выступающих узловыми точками сетевой структуры, однако будем учитывать, что имеется точка зрения, согласно которой требуется «радикальное переосмысление того», что до сих пор понималось в качестве (социальных) действующих [10, с. 45].

Новое (сетевое) понимание социального феномена «как коммуникации между передающей и принимающей сторонами» [9, с. 70] в сфере взаимодействия *человек – текст* имеет длительную историю интерпретации как диалога, «разногласия» (М. М. Бахтин), дополнительности – с одной стороны, автора и толкователя, с другой – на уровне *текст – текст*, что в свою очередь связано с понятием интертекстуальности. Иначе говоря, многогранное философское осмысление феноменов художественной сферы, в том числе сложная, амбивалентная взаимосвязь автономности и зависимости (один из фундаментальных атрибутов сети), оказалось востребованным в новой теории общества.

В самом общем виде сетевые эффекты можно сформулировать следующим образом:

- информационный характер изменений;
- в центре внимания коммуникация индивидов;
- любая структура, возникающая в процессе коммуникации, представляет собой один из видов сетей;
- в качестве элементов могут выступать не только индивиды, но и различные социальные феномены.

Мы не склонны, однако, объяснять сетевые эффекты лишь новыми технологическими возможностями. Достижения в сфере информационных технологий, безусловно, много определяют в средствах коммуникации, существенно трансформируют пространственно-временные представления человека и т. д., но вместе с тем высвечивают некоторые новые грани, укрупняют акценты ряда социокультурных феноменов. Так, благодаря технологическим возможностям можно «легко взглянуть» (оборот А. Моля) на любое произведение искусства. «Сегодня все <...> одинаково близко и, как заключает М. Хайдеггер, одинаково далеко. Царит недалекое ...» [16].

Сетевые эффекты, социальные сети существовали в различные эпохи и в разных странах (однако находили свое выражение «в сегментах в целом несетевого мира» [9, с. 70]), что может свидетельствовать не только о технологических предпосылках феномена сети, но об укорененности сетевой проблематики в человеческом бытии. Не случайно (и вполне обоснованно) один из первых выводов М. Кастельса гласит: «Изолированное “Я” оказывается потерянными для себя» [1].

Выше упоминалось понятие интертекстуальности. Почерпнутое из области литературоведения, оно стало определять и видение культуры как единого текста, и мироощущение современного человека: «Мое я (курсив автора. – Е. Ш.) <...> само уже есть воплощенное множество других текстов» [12, с. 37]. Об эпистемологической близости феномена сети и

интертекстуальности прямо высказывался Н. С. Розов, анализируя метод Р. Коллинза и отмечая, что «нечто подобное произошло в литературоведении – смещение внимания от отдельного текста к интертекстуальным связям» [13, с. 10]. Если исходить из понятия интертекстуальности как одного из определяющих культуру в целом, то очевидно, что на языке теории сетей в качестве элемента («узла») сети выступает некий текст, который пронизан интертекстуальными связями.

Понятие интертекстуальности подчеркивается образом *ризома*, ставшей после работ Ж. Делеза и Ф. Гваттари одним из центральных понятий постструктуральной поэтики. Относительно ризомы существуют взгляды, согласно которым для анализа сети «в современной философской литературе не имеется альтернативного понятия, которое могло бы так четко передать сущность сетевых технологий и одновременно указать на их взаимосвязь с мировоззренческим контекстом культуры постмодерна» [14]. Однако оформляются и другие представления, согласно которым ризома является наиболее популярным, но не единственным обозначением новой многомерной реальности [15, с. 136]; понятие ризомы имеет аспекты, которые могут быть обращены против него самого, и сейчас «происходит переход к очень интересному понятию “сети” и к сетевой парадигме» [16, с. 72]. Полемика по данному вопросу выходит за рамки настоящей статьи, уточним лишь, что понятие ризомы фиксирует принципиальную децентрацию, тогда как феномен сети не исключает (предполагает) наличие центра и периферии.

В связи с изложенным выше понятия сетевого общества и общества постмодерна представляются взаимоисключающими, поскольку порождены принципиально различными мировоззренческими установками. Причем сетевая парадигма обладает более значительным центростремительным потенциалом по сравнению с «патологическими тенденциями» постмодерна [17, с. 8]. Возможно, мы являемся свидетелями существенного мировоззренческого и эпистемологического перехода от постмодернистского дискурса к сетевой парадигме. Учитывая новые представления о современном обществе, а также постнеклассический тип рациональности современной науки, с ее эпистемологическими интенциями, социокультурными целями и аксиологическими предпочтениями познающего субъекта, можно утверждать, что мировоззренческий аспект сетевого дискурса заключается, прежде всего, в возвращении человека в лоно философской рефлексии. Обратим внимание и на то, что эффект включенности наблюдателя в процесс и результат познания, как один из значительных в сетевом дискурсе, ранее получил теоретическое описание в концепциях, отражающих включенность читателя (в широком смысле) в структуру текста и свидетельствующих о возросшей роли *человека воспринимающего* в бытии культуры.

С достаточной степенью обоснованности можно говорить о том, что информационно-технологические достижения современности придают сети статус объемного понятия, отражающего полифоническую сложность и взаимообусловленность различных процессов и феноменов современного мира. Вместе с тем, понятие сети может служить методом теоретического описания. Иначе говоря, современные исследования обнаружива-

ют не только онтологические основания феномена сети, но и широкие эпистемологические возможности, не получившие пока основательной теоретической разработки. Эпистемологический аспект, то есть использование понятия сети (и производных от него) в качестве метода теоретического описания, появился сравнительно недавно, что придает «вынужденную индивидуальность» исследованиям, так или иначе касающимся сетевой проблематики [9, с. 69].

Информационно-технологические достижения сообщают возможность проявления художественной активности (не только, но и) в сети Интернет, по определению структурированной сетевым образом, что порождает и новые способы взаимодействия *человек – текст* через вхождение (создание, конструирование) в виртуальную реальность (С. С. Хоружий) и реальную виртуальность (М. Кастельс). Заметим, что речь идет о множестве разнообразных взаимодействий (спонтанных и целенаправленных, поверхностных и глубинных и т. д.) на ментальном, семиотическом уровнях, то есть о тех взаимодействиях, которые оказывают значительное влияние на конституирование смысловой сферы человека.

В отличие от современности, в предыдущие эпохи художественная активность, обуславливая более или менее широкий спектр взаимодействий *человек – текст*, была в определенной степени регламентирована, предзадана (социальным статусом, традициями, ритуалами и т. д.), вследствие чего можно ожидать некоторую иерархизированность взаимодействий. Очевидно, что для настоящей эпохи характерны не только возрастающая сложность, но и отсутствие какой-либо иерархии взаимодействий, а структура последних может быть наиболее адекватно описана в терминологии сети, ибо «сетевая логика нужна для структурирования неструктурируемого», следовательно, по мнению М. Кастельса, «похоже, что морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий» [1].

Таким образом, можно говорить о том, что речь идет не просто о некоторой сумме взаимодействий, обусловленных художественной активностью, но о взаимодействиях, структурированных сетевым образом. Художественная активность, специфицируя сеть взаимодействий, в силу чего те или иные тексты оказываются в центре или на периферии внимания, порождает некоторое знание, структурированное сетевым способом. Важно отметить, что исходя из отсутствия регламентирующих процедур по сравнению с предыдущими эпохами вкупе с техническими возможностями современности актуализируется проблема персонального выбора текста, что в свою очередь актуализирует проблему «управления неопределенностью» [6].

Мы попытались ответить на вопрос о сути сетевых эффектов феномена художественной активности человека. Прежде чем выстроить сетевую структуру (то есть с достаточной степенью обоснованности определить ее элементы), необходимо уточнить следующее.

Традиционно в качестве элементов сети могут выступать, во-первых, люди, группы людей, социальные институты и т. д. Эпистемологически значимым является новое представление о том, что понятие актора может быть переосмыслено.

Далее, исходя из понимания культуры как единого текста, элементами могут быть сами тексты, пронизанные в свою очередь интертекстуальными связями. Отметим, что и научные теории, более или менее оформленные концепции, несомненно, интертекстуальны даже вне прямых ссылок.

Наконец, элементами сети могут выступать частные теории, сопрягаемые с целью построения новых теорий («метатеорий» [10, с. 38]).

Изложенное выше позволяет нам выстроить сетевую структуру, элементами которой являются человек, текст и художественная активность как специфицирующая сеть взаимодействий *человек – текст*.

Представляется необходимым ввести в качестве элемента и *контекст* в широком смысле, и *контекст*, понимаемый как некая микросеть, образованная сетью взаимодействий и образующая персональное пространство человека, способное (потенциально) служить фактором социокультурных изменений.

Важно отметить, что, несмотря на разнообразие трактовок и способов использования понятия сети, современные исследования, так или иначе обусловленные сетевой проблематикой, объединяет общая эпистемологическая интенция, выражающаяся в осмыслении перспектив изучения феномена либо через сеть его взаимодействий (актуальных и потенциально возможных), либо в качестве компонента конструируемой сетевой структуры, что порождает различные уровни анализа. Мы пытаемся объединить оба уровня с тем, чтобы иметь возможность для объемного, многомерного описания интересующего нас феномена художественной активности.

В нашем случае сетевая структура, обладая архитектурой, отличной от сети, где элементы рядоположены, приобретает вид теоретической конструкции с определенным эпистемологическим потенциалом, поскольку:

- не отменяя традиционных представлений, открывает возможность для новой интерпретации феномена художественной активности за счет дополнения изучения его сетевых эффектов;

- показывает значение феномена художественной активности (не порождающего сетевые эффекты в явной форме) в конструировании сети взаимодействий *человек – текст*;

- объясняет роль феномена художественной активности в определении эмоциональных, ценностных, экзистенциальных характеристик сети взаимодействий;

- расширяет представления о взаимозависимости элементов структуры и выявляет новые грани оппозиции *автономия/управление*.

Предпринятый анализ позволяет сделать ряд выводов, имеющих, безусловно, предварительный характер:

1. Несмотря на то, что сетевые эффекты в обществе обусловлены информационными технологиями, в различных сферах они проявляются по-разному. Сетевые эффекты художественной активности, существуя в латентной форме (поскольку не обуславливают взаимодействий людей, групп и т. д.), но, исходя из изменившихся представлений об элементах сети, находят выражение на уровне взаимодействий *человек – текст*.

2. Сеть взаимодействий *человек – текст* организована не иерархическим, но иным способом, что может быть наиболее адекватно описано в терминологии теории сетей.

3. Единицей анализа становится акт взаимодействия *человек – текст*, простирающийся в широкой амплитуде – от едва уловимых предактов до подлинного художественного события.

4. В художественной сфере сетевые эффекты (в другой терминологии) были осмыслены и получили глубокую теоретическую разработку через понятие интертекстуальности. Последнее обнаруживает эпистемологический коррелят с новым видением современного общества как сетевого.

Изложенное выше позволяет достаточно аргументированно говорить о закономерном обращении к сетевой теории как к методологии, открывающей возможности для новой интерпретации феномена художественной активности с учетом его сетевых эффектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php
2. **Ницше Ф.** Рождение трагедии из духа музыки. – М. : AD Marginem, 2001. – 735 с.
3. **Платон.** Диалоги. – М. : Мысль, 1999. – 528 с.
4. **Диоген Лаэртский.** О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М. : Мысль, 1998. – 571 с.
5. **Квинтилиан.** Ораторские наставления // А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. Античная музыкальная эстетика. – М., 1960. – С. 293–298.
6. **Агеев В. В.** Введение в психологию человеческой уникальности. URL: <http://www.ageyev.kz/books/book-1/index.html>
7. **Кузнецов В. Г.** Герменевтика и гуманитарное познание. – М. : Наука, 1991. – 228 с.
8. **Бодрийяр Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры – М. : Республика ; Культурная революция, 2006. – 269 с.
9. **Назарчук А. В.** Сетевое общество и его философское осмысление // Вопр. философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
10. **Хойслинг Р.** Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории – М. : Логос-Альтера, 2003. – 192 с.
11. **Хайдеггер М.** Вещь. URL: <http://lib/.rus.ec/b/22012/read>
12. **Барт Р.** S/Z. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
13. **Розов Н. С.** «Социология философии» Рэндалла Коллинза – новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // Р. Коллинз. Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск, 2002. – С. 7–31.
14. **Емелин В.** Ризома и Интернет. URL: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm>
15. **Пигалев А. И.** Сетевая парадигма в философии культуры // Философская теория и социальная практика. – Волгоград, 2005. – С. 120–141.
16. **Пигалев А. И.** Сетевые подходы в современной философии культуры // Res cogitans: теоретич. альм. – Саратов, 2005. – № 1. – С. 66–76.
17. **Кезин А. В.** Радикальный конструктивизм: познание «в пещере» // Вестн. МГУ. Серия 7: Философия. – 2004. – № 4. – С. 3–24.
18. **Семенов С. Н., Семенова А. Н., Никитин В. Ф.** Массовое художественное образование и просвещение // Философия образования. – 2006. – № 1(15). – С. 273–275.